

В общежитии уже никого не осталось, времени было вполне достаточно, но это касалось лишь обычных парней. Чжань Цзюцзян был немного самовлюбленным и тщеславным, каждый раз перед выходом он приводил себя в порядок, чтобы выглядеть презентабельно. Его лицо, которое даже без улыбки казалось слегка опьяневшим, уже давно сделало его врагом всех мужчин в округе. Но главной проблемой по утрам были его волосы, каждый раз приходилось тратить много времени на укладку. Лян Цзивэнь предлагал ему постричься под «ежик», но тот отказался, заявив, что это некрасиво. Сейчас его прическа действительно выглядела хорошо, но каждый раз требовала колоссальных усилий.

Чжань Цзюцзян уверял, что не жалеет времени на укладку, а Лян Цзивэнь лишь молча качал головой — конечно, тебе не трудно, ведь всю работу делаю я!

— Да, да, волосы тут надо еще чуть-чуть поднять... — Чжань Цзюцзян, жуя булочку и запивая соевым молоком, не забывал командовать.

После всей этой суматохи Чжань Цзюцзян наконец привел себя в порядок, Лян Цзивэнь помог ему вылить воду, убраться и взять учебники, и они вышли из дома.

Чжань Цзюцзян держал в руках книгу, опрятную и аккуратную от начала до конца, в белой рубашке и черных брюках, с книгой в руках он выглядел невероятно элегантно и красиво, настоящий пример молодого человека нового общества, стремящегося к учебе.

Почти все девушки в школе украдкой бросали взгляды на Чжань Цзюцзяна, совсем не обращая внимания на Лян Цзивэня. Дело было не в том, что Лян Цзивэнь был некрасив, просто у него была слишком сильная аура, и у обычных людей не хватало духа смотреть на него.

В июне уже стояла жара, и в эти дни они были заняты делами, связанными с выпуском. Чжань Цзюцзян уже получил направление на городской сталелитейный завод, а Лян Цзивэнь тоже получил уведомление — его направляли на электротехнический завод в другую провинцию. Оба показывали отличные результаты в учебе, но школа, учитывая все факторы, не выделила им мест в университете рабочих и крестьян. Дело было в том, что их конкурент был из бедной крестьянской семьи.

Сегодня им предстояла репетиция пьесы, которую должны были показать на выпускном. Это была последняя репетиция перед премьерой. Чжань Цзюцзян играл Ли Юйхэ, а Лян Цзивэнь работал за кулисами, занимаясь обеспечением.

Чжань Цзюцзян обладал актерским талантом и был ответственным человеком. Чтобы лучше вжиться в роль, он каждый день заставлял Лян Цзивэня репетировать с ним.

Сегодня было не официальное выступление, и Чжань Цзюцзян вышел на сцену в гражданской одежде, что привело в смущение девушку, игравшую с ним пару — она покраснела до ушей. Он легонько улыбнулся и вошел в образ. Девушка тоже относилась к делу серьезно и, увидев, что Чжань Цзюцзян вжился в роль, постаралась отогнать лишние мысли.

После почти двух часов репетиции Лян Цзивэнь протянул ему стакан воды. В такой зной Чжань Цзюцзян весь вспотел, и, взяв стакан, он жадно выпил его до дна.

Выпив, он пробурчал:

— Опять теплая. Лян Цзивэнь, в следующий раз я хочу холодную.

Лян Цзивэнь молчал, с улыбкой глядя на него. Чжань Цзюцзян отступил и, как ребенок,

привалился к нему, чтобы тот помассировал ему руки. После «Легенды о красном фонаре», где нужно было и драться, и прыгать, он не слишком устал, но это не мешало ему лениться.

— Знаешь, если бы те, кто в тебя влюблен, узнали, какой ты лентяй, они бы тебя еще любили, а? — пошутил Лян Цзивэнь, но все равно с улыбкой помассировал ему руки.

— Пусть узнают. Мне все равно, что они думают, — беззаботно ответил Чжань Цзюцзян.

Лян Цзивэнь не стал с ним спорить, немного помассировал мышцы, оттолкнул его голову и встал:

— Пойдем, нам еще надо поливать и полоть грядки.

В то время в старшей школе учеба была не на первом месте, главной была практика, где студентам прививали социальные идеалы. За три года они не заполнили и одной тетради, а учебники выдали не в полном объеме.

— Лян Цзивэнь, ты правда едешь в провинцию W? — не выдержал Чжань Цзюцзян и задал вопрос, который не давал ему покоя несколько дней.

— Мне тоже не хочется, но что поделаешь, это распределение школы, — спокойно ответил Лян Цзивэнь. — Если не работать, бабушка меня замучит. Каждый день твердит, что мне уже двадцать, а я еще не женился, хотя мне только исполнилось девятнадцать!

Лян Цзивэня от этих слов разболелась голова. В прошлой жизни он был почти тридцатилетним холостяком, никогда не встречался с девушками и не знал, что такое давление со стороны семьи. А теперь, в восемнадцать лет, бабушка с дедушкой, дяди и тети уже целый год твердят о свадьбе. В последнее время они, наконец, начали успокаиваться, и он вздохнул с облегчением.

Когда Лян Цзивэнь и Чжань Цзюцзян учились в средней школе, началась Культурная революция, мир был полон восставшей молодежи, школы закрылись и лишь через несколько лет снова открылись. Они с трудом учились, перепрыгнули через класс, но всё равно были старше обычных учеников. В этих местах начальная школа длилась пять лет, средняя — три, старшая — три, и обычно в шестнадцать-семнадцать лет заканчивали школу. Но им уже было девятнадцать, и многие их однокурсники уже перевалили за двадцать, а у некоторых уже были дети.

— Ага, — Чжань Цзюцзян пнул камешек, голос внезапно стал грустным. — Он хотел сказать: «Не уезжай. Там так далеко, возвращаться будет неудобно, бабушка и дедушка будут скучать, все будут переживать, да и жизнь там хуже, чем у нас...» Но он не мог этого сказать. Кем он был для него? С какого права он мог это говорить? Он нашел столько причин, чтобы отговорить его от поездки, но на самом деле всё сводилось к одному — он не хотел его отпустить.

Необычное молчание Чжань Цзюцзяна привело Лян Цзивэня в замешательство:

— Что случилось? Я опять тебя чем-то обидел?

Несколько дней назад Чжань Цзюцзян вдруг перестал с ним разговаривать: не просил будить его по утрам, не ходил с ним на пары, по вечерам не ложился к нему в кровать. Лян Цзивэнь был в недоумении, как бы он ни старался его задобрить, ничего не помогало. Только когда пришло уведомление о работе, Чжань Цзюцзян вернулся к прежнему состоянию и снова начал липнуть к нему.

— Лян Цзивэнь, кажется, я влюбился, — вдруг заговорил Чжань Цзюцзян.

— Что? — Лян Цзивэнь вздрогнул, сердце внезапно забилось, и он почувствовал странную горечь и тяжесть.

— Это кто-то из нашего класса? — спросил Лян Цзивэнь, быстро перебирая в уме всех девушек, с которыми Чжань Цзюцзян общался. Это Чжан Сяовэнь? Или Ци Ци? Может быть, Хуан Цяньи? Или, может быть... Лян Цзивэнь перебрал всех в уме, но не мог понять, кто это.

— Да, — Чжань Цзюцзян посмотрел на него, затем опустил голову и глухо ответил.

— Ага, — Лян Цзивэнь потерял желание продолжать расспросы и молча пошел рядом с Чжань Цзюцзяном. В душе было какое-то странное чувство, словно там появилась маленькая трещина, и сквозь нее дуял холодный ветер. Он объяснил это тем, что ребенок вырос и скоро ему придется покинуть родителей. Его маленькая река тоже однажды создаст семью и уйдет от него. Он знал, что это неизбежно, но никогда не думал об этом, и теперь ему было немного не по себе.

В последнее время атмосфера между ними стала странной. Чжань Цзюцзян, как обычно, пользовался услугами Лян Цзивэня, а тот все так же был готов на всё, но они всё чаще замолкали во время разговора, а время шло.

День их выпуска пришелся на пятницу. Сначала выступил директор, затем их внешний куратор произнес речь, полную грусти расставания, и на сцену вышел Чжань Цзюцзян. Сегодня он был одет в военную форму, которую одолжил. Зеленая форма сидела на нем идеально, слегка раскосые глаза смотрели сурово, густые брови и яркие глаза делали его невероятно привлекательным. Лян Цзивэнь на мгновение потерял дар речи, затем очнулся и похвалил:

— Красавчик!

Чжань Цзюцзян улыбнулся, и его и без того прекрасное лицо стало еще более ослепительным.

<http://bllate.org/book/16557/1510981>